

Татьяна Ивановна Стексова
(Новосибирский государственный педагогический университет)

Смысловая парадигма предложения

Мысль о том, что одно и то же содержание можно выразить разными структурами, далеко не нова. Еще А.М. Пешковский выявил возможность выражения одной и той же мысли различными языковыми средствами (Пешковский 1927). Анализируя понятие пропозиции, Н.Б. Самсонов отмечает, что «пропозиция является знаком ситуации» и тут же соглашается, что «вряд ли верно утверждение о том, что ситуация может быть представлена лишь одним знаком» (Самсонов 2002, 318).

1. В синтаксической литературе для обозначения отношений между двумя и более предложениями используются понятия синтаксической синонимии (Цейтлин 1976; Золотова 1982; Шелякин 2002; Мустайоки 2006 и др.), деривации (Белошапкова & Шмелева 1981), формально-семантической соотносительности (РГ-80; Стексова 1986), трансформации, перефразирования (Мустайоки & Копотев 2005), причем эти понятия используются зачастую для обозначения одних и тех же синтаксических явлений. Возникает первый вопрос: чем является совокупность языковых средств для выражения той или иной семантики (ситуации)? Попытаемся разобраться в том, что скрывается под названными терминами. «Под системными формально-семантическими соотношениями понимаются принадлежащие языку регулярные возможности взаимного замещения двух и более предложений, представляющих каждое отдельный грамматический тип, но совпадающих по семантическим компонентам» (РГ-80, 125). Исходя из этого определения, критериями соотносительности являются: а) регулярные возможности взаимного замещения; б) представленность каждого предложения отдельным грамматическим типом; в) совпадение предложений по семантическим компонентам. Изучение формально-семантической соотносительности предложений разных структур возможно вследствие несимметричности плана выражения и плана содержания.

Неоднозначен термин «синтаксическая синонимия». А.М. Пешковский, выделив явление, не внес ясности в само понятие синтаксической

синонимии. Группа синтаксических синонимов у него очень разнообразна: синонимичными, с его точки зрения, являются и замена существительного местоимением, и различные варианты порядка слов, и различные модели предложения (Пешковский 1927). И до сих пор в лингвистике под синтаксическими синонимами понимают разные явления. С одной стороны, это разные синтаксические модели, передающие одну ситуацию (*Я прочел книгу – Книга прочитана мной*). С другой стороны, под синтаксической синонимией понимают предложения, соотносительные в лексико-синтаксическом и лексико-фразеологическом планах, составляющие вариативный ряд по отношению к основной модели, которая выражает общее, типовое значение минимальными языковыми средствами при совпадении смысловых и грамматических центров (*Земля – круглая / Земля имеет круглую форму / У Земли круглая форма*) (Русский язык. Энциклопедия 1997, 466). Г.А.Золотова синонимичными считает «синтаксические конструкции, формирующиеся одинаковым набором одноименных, но разнооформленных структурно-семантических компонентов» (Золотова 1982, 203–204). Как видно из этих определений, термины формально-семантическая соотносительность и синтаксическая синонимия близки. Неслучайно Г.А. Золотова, анализируя синтаксические синонимы, называет их и группой соотносительных конструкций (1982, 205). В одном ряду используют эти понятия и Э.В. Кузнецова с О.М. Михайловой (1987), и В.И. Собинникова (1989).

Напрашивается вывод, что разница в терминологии обусловлена не языковым материалом, а тем аспектом, в соответствии с которым исследователи к нему обращаются: производности, возможности взаимозамены, соответствия семантической структуры и поверхностной структуры и т.д. Поэтому считаем возможным для обозначения совокупности разных синтаксических конструкций, используемых для обозначения тождественных или близких ситуаций, ввести понятие смысловой парадигмы. Причем, на наш взгляд, понятия синтаксической синонимии и формально-семантической соотносительности, включающие и лексико-синтаксическое варьирование, шире понятия смысловой парадигмы, так как смысловая парадигма объединяет ряд только межмодельных преобразований: *Я должен уехать – Мне нужно уехать – Мне уезжать*. За пределами смысловой парадигмы останутся и модификации типа: *Я не сплю – Мне не спится*, характеризующиеся приращением смысла.

Отмечено, что «понятие парадигмы с его возникновения было «обречено» на множественность толкований, на существование в массе разновидностей» (Шмелева 1987, 5). Предлагая типологию парадигм, Т.В. Шмелева противопоставляет смысловые и формальные парадигмы. Смысловые парадигмы, в свою очередь, различаются отношениями между элементами: отношениями тождества, сходства или мотивации.

Рассуждения исследователя базировались на понимании парадигмы «как объединения слов или его представителей на основе некоего общего признака» (там же), но, как представляется, могут быть экстраполированы и на уровень синтаксиса. В этом случае синтаксическая смысловая парадигма будет характеризоваться отношениями сходства между конструкциями, так как, кроме интегральной семантики, можно выявить и дифференциальные признаки, задаваемые формой, ведь, как уже отмечалось нами ранее, с каждой формой связана особая языковая интерпретация смыслового содержания (Стексова 2002). О том, что разнооформленность компонентов обуславливает дистинктивные, различительные признаки, дающие говорящему возможность выбора необходимого ему варианта, писала и Г.А. Золотова (2002, 40–41). Эта точка зрения подтверждается и рассуждениями А. Мустайоки о том, что «конкретная форма языкового выражения всегда придает поверхностному предложению определенное дополнительное значение» (Мустайоки 2006, 83). По мнению М.В. Всеволодовой, «совокупность линейно-интонационных и синтаксических трансформов предложения составляет синонимико-вариативный ряд, или коммуникативную парадигму предложения» (Всеволодова 2000, 403). Как отмечает исследователь, коммуникативная парадигма может быть двух типов: актуализационная и интерпретационная (или трансформационная). Интерпретационные парадигмы характеризуются различными синтаксическими преобразованиями: модификациями, свертыванием/развертыванием информации и синонимическим перефразированием, которое может быть достигнуто за счет введения описательных предикатов; конвертированием (изменение направления синтаксической ориентации); синтаксической трансформацией, при которой говорящий меняет общий ракурс подачи ситуации, предлагая свою, субъективную интерпретацию положения дел, отображенного в высказывании (Всеволодова 2000; 2008). Итак, будем считать, что смысловая парадигма – это частный случай интерпретационной коммуникативной парадигмы, где межмодельное варьирование предложения характеризуется отношениями сходства. Следует согласиться с предположением С.Н. Цейтлин о том, что «абсолютно тождественных по смыслу синонимичных синтаксических конструкций, по-видимому, вообще не существует» (Цейтлин 1976, 176).

2. Если признать совокупность различных способов выражения какой-либо семантики за смысловую парадигму, то возникает проблема изучения парадигматических отношений между различными способами выражения. Требуют ответа вопросы: сколько конструкций составляют парадигму и почему не всегда возможна полная реализация смысловой парадигмы?

Количество и характеристика конструкций в смысловой парадигме различается и зависит в первую очередь от типа пропозиции (Стексова

1986). Так, пропозицию деятельности одушевленного лица можно выразить следующими конструкциями: *Мать работает / Мать в работе / Мать за работой / У матери работа*. А пропозиция состояния окружающей среды может выражаться набором других конструкций: *На улице холодает / На улице холодно / На улице холод*. И это вполне объяснимо: состояние может быть выражено разными частями речи: и глаголом, и категорией состояния, и существительным; в то время как действие может быть обозначено либо глаголом, либо отглагольным существительным в разных предложно-падежных формах. Но если мы сравним предложения: *Ветер погнул мачту / Ветром погнуло мачту и Рабочие погнули мачту / *Рабочими погнуло мачту*, то увидим, что характеристики только предиката явно недостаточно, чтобы объяснить невозможность последней конструкции. Здесь важным становится и тип субъекта: если в первом случае субъект-стихия, то во втором случае – одушевленный субъект-агенса, его действия осмысленны и целенаправленны, в отличие от действия стихии. Следовательно, в первом случае речь идет о неконтролируемой ситуации, а во второй о контролируемой. Именно эта характеристика препятствует образованию безличной конструкции.

Кроме того, можно предположить, что набор конструкций в смысловой парадигме зависит от того, какая конструкция для выражения данной семантики является изосемичной. По Г.А. Золотовой, «основные, изосемичные модели, возглавляющие синонимичные ряды, характеризуются сбалансированным равновесием морфологических, синтаксических признаков, вариативные же, неизосемичные модели – тем или иным смещением, нарушением этого равновесия» (1982, 212). Изосемичные конструкции, и в понимании М.В. Всеволодовой, такие, «где синтаксические позиции слов соответствуют их семантическим ролям» (1898, 8). Объяснение зависимости количества членов парадигмы от типа изосемичной конструкции справедливо, но далеко не полно. Если бы причина количества членов смысловой парадигмы заключалась только в типе пропозиции и характеристике изосемичной модели, то набор конструкций для обозначения одной и той же пропозиции всегда был бы одинаков. Но это далеко не так. Сравним два ряда конструкций, выражающих психологическое состояние, причем предикаты в них также близки по своему значению: *Я тоскую / Мне тоскливо / Я в тоске / У меня тоска – Я скучаю / Мне скучно / *Я в скуке / *У меня скука*. Две последние конструкции представляются весьма сомнительными. Аналогично и в другой паре примеров: возможно сказать *Я в шоке / У меня шок*, но сомнительно *У меня ужас* при допустимом *Я в ужасе*. С.Н.Цейтлин выделяет шесть основных моделей, способных передать семантику психического состояния: глагольную (*Я беспокоюсь*), наречно-предикатную (*Мне беспокожно*), субстантивную (*У меня*

беспокойство), адъективную (*Я беспокоен*), причастную (*Я обеспокоен*), предложно-падежную (*Я в беспокойстве*). Кроме того, особо выделяется метафорическая модель (*Беспокойство овладело мной*). При этом С.Н. Цейтлин отмечает, что количество членов в ряду варьируется от одного (ср. *Я подавлен*) до семи. С ее точки зрения, «не подлежит сомнению, что длина ряда во многом определяется деривационными возможностями лексем, лежащих в его основе» (Цейтлин 1976, 175). Поэтому все модели с точки зрения их отношения к лексике она делит на два типа: лексически свободные и лексически связанные. Модель считается лексически связанной в том случае, «если можно указать лексемы, которые, удовлетворяя требующимся морфологическим и семантическим характеристикам, тем не менее не могут быть употреблены в качестве стержневых слов в составе предложения, по данной модели построенного» (там же, 163). Из шести выделенных моделей лексически связанными являются субстантивная и предложно-падежная модели. Именно этим можно объяснить неупотребительность такой конструкции, как **У меня ужас / *У меня блаженство*. Эти конструкции есть в «потенции», в языковой системе, но оказываются невостребованными говорящим. Данное объяснение не вполне удовлетворяет Г.А.Золотову, которая отмечает, что «для объяснения подобных нерегулярностей прибегают обычно к понятию «лексических ограничений» в синтаксисе». По ее же мнению, «дело здесь не в отдельных лексических ограничениях, не подведомственных грамматике, а в регулярных грамматических закономерностях компонентного состава предложений» (Золотова 1982, 205). Так, сопоставляя предложения *Дети шумят и Толпа шумит*, автор отмечает, что у второго предложения есть соотносительные конструкции: *В толпе шум / В толпе шумят*, а первое предложение не имеет таких соотносительных вариантов. Объяснение этому она находит в том, что «толпа означает совокупность лиц, производящих действие (шум), а вместе с тем она обладает признаком пространства, занимаемого этой совокупностью лиц» (там же). И действительно, в связи с тем, что именной компонент *толпа* не имеет «чистого» типового значения, в отличие от именного компонента *дети*, в нем как бы совмещаются разные значения, и набор конструкций становится больше. Словоформа *в толпе* совмещает синтаксические функции субъекта за счет своего лексического значения и локатива за счет типовой семантики формы предложного падежа с предлогом. Ср. замечание Г.А.Золотовой о том, что «форма *в + Предл. пад.* неотделима от своего локативного, объемного смысла» (Золотова 2002, 41). Лексема *дети* не способна к совмещению данных функций. О верховенстве грамматической формы пишет и Е.Н. Ширяев: «Синтаксическая форма, а, следовательно, синтаксическая семантика определяет, регулирует лексический состав и лексико-семантическое содержание

предложения» (Ширяев 1986, 7). Но и это не до конца объясняет ущербность смысловой парадигмы для обозначения какой-либо ситуации. Так, семантика невольности осуществления события может быть выражена различными лексико-грамматическими средствами. Но возникает вопрос: почему можно сказать: *В феврале 2003 года мне довелось побывать в Екатеринбурге; В феврале 2003 года я случайно оказался в Екатеринбурге; В феврале 2003 года судьба занесла меня в Екатеринбург* и в то же время невозможно: **В феврале 2003 года мне побывалось в Екатеринбурге*. Почему можно сказать: *Сегодня мне не читается* при весьма сомнительном: **Сегодня я невольно не читаю*. Можно высказать предположение, что образованию последнего примера противоречит наличие отрицания, которое не сочетается с лексемой *невольно*; а от глагола *побывать* невозможно образовать возвратную форму. Другими словами, ограничения могут накладываться лексической сочетаемостью, словообразовательными особенностями и др. Аналогичная точки зрения высказана М.В. Всеволодовой, которая заметила, что «набор возможных трансформов обусловлен, с одной стороны, их общим содержательным инвариантом, а с другой – ограничен для каждого предложения словообразовательными и сочетаемостными факторами» (Всеволодова 2000, 468). Следует отметить, что потенциальная возможность полной парадигмы, задаваемая языковой системой и не полностью по той или иной причине реализуемая в речи, восполняется за счет окказионального употребления. Так, например, в телепередаче «Магия десяти» Ф. Киркоров несколько раз произнес фразу: *Я в кураже!* (ср. М.Цветаева: *Макс, мне было так верно ждать на твоём крыльце...*).

Итак, смысловая парадигма каждого типа пропозиции характеризуется различным набором возможных конструкций. Полная реализация парадигмы зависит от ряда различных факторов: лексических, словообразовательных, сочетаемостных, а также от способности конкретной лексемы выполнять ту или иную семантическую роль.

3. Проблема выбора говорящим одной из возможных конструкций. Каждый раз говорящий, желая нечто выразить, должен выбрать между несколькими альтернативно возможными способами. В.Г. Колшанский утверждает, что «употребление языковой формы не может быть ни произвольным, ни приблизительным» (Колшанский 1975, 101). С его точки зрения, «формирование высказывания ... есть выбор конкретной структуры, но выбор, определяемый познавательной деятельностью, то есть необходимостью передать в сообщении тот или иной объективный признак ситуации» (там же). Выбор форм и структур заложен уже в процессе порождения высказывания, так как «от мотива, стоящего у источников высказывания, зависит выбор из всех возможных связей, стоящих за словом, только тех, которые соответствуют данному мо-

тиву и придают этому высказыванию совершенно определенный субъективный (аффективный) смысл» (Лурия 1975, 28). Выбор той или иной конструкции определяется способом представления ситуации и, как правило, передает индивидуальное восприятие лицом, с позиций которого показаны события и дается их описание. Говорящий совершает выбор в условиях жесткой альтернативы и предпочтения одного языкового средства другому.

Проблема выбора говорящим одной из возможных конструкций уже ставилась исследователями (Цейтлин 1976; Стексова 1990; Богданова 1999; Матханова 2000; Мустайоки 2006). Как замечает И.П. Матханова, «в последние годы исследование семантики высказываний перешло от установления «реестра» основных семантических типов, выявления стандартных способов выражения определенного «положения дел» к изучению сложных, противоречивых фактов, семантической вариативности высказываний одного типа, установлению границ его варьирования» (2002, 92). Так, например, Л.И. Богданова, выделив набор конструкций для обозначения заболевания и его фазы, пытается определить, на основе каких правил осуществляется выбор той или иной конструкции при условии заданной модификации и названия болезни. С точки зрения исследователя, релевантным оказывается характер заболевания (инфекционный, хронический, локальный, мгновенный и др.), тяжесть заболевания и другие характеристики. Так, для обозначения хронического заболевания применима формула **Х страдает У-ом** (*Он страдает гастритом*); а если заболевание выражается в подавленном душевном состоянии или повышенной раздражительности, то для его обозначения используется формула **Х был (будет) в У-е** (*Он в депрессии*). По ее мнению, «чтобы правильно употребить слово, говорящему необходимо обладать не только языковой компетенцией, но и владеть определенной энциклопедической информацией, иметь сведения о культурных и фоновых коннотациях слова, знать правила согласования разных смыслов. Все это говорит о необходимости экспликации знаний, которыми обладает носитель языка, и представлении их в виде правил, способных руководить построением высказываний» (Богданова 1999, 40–41). Таким образом, автор рассматривает зависимость выбора конструкции от того содержания, которое необходимо выразить.

Не ставя под сомнение справедливость высказанных положений, отметим только, что более интересным для нас является выбор говорящим одной из возможных конструкций для обозначения одной и той же денотативной ситуации. По мнению А. Мустайоки, оформляя соответствующим образом предложение, говорящий определяет свою позицию с точки зрения выбора ориентации, выбора диатезы и выбора актуального членения предложения (Мустайоки 2006). Рассуждения исследователя представляются вполне справедливыми и убедитель-

ными относительно того языкового материала, на котором они базируются, но, как кажется, требуют некоторых дополнений. Если мы возьмем, к примеру, предложения, выражающие психологическое состояние субъекта (*Он тоскует. Он в тоске. Ему тоскливо. У него тоска*), то по названным трем параметрам они будут характеризоваться одинаково. Следовательно, учет только этих признаков не имеет объяснительной силы при решении проблемы выбора. Напрашивается предположение, что говорящий учитывает и те тонкие смысловые различия, которые задаются избранной формой. На значимость конструкции предложения для семантики еще в 1984 году указывали Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев, доказывая, что предложения *В этой теории есть противоречия* и *Эта теория противоречива* не являются синонимичными: «В первом случае речь идет о частичной непоследовательности теории, во втором – о том, что теория противоречива от начала до конца» (Арутюнова & Ширяев 1983, 9).

Синтаксические и семантические различия, обусловленные коммуникативными установками, отмечала О.А. Дементьева (Дементьева 1989). Выбор синтаксической конструкции из системы вариативных, и по мысли И.П. Матхановой, связан с типовыми интенциями говорящего. Описывая семантику состояния, она отмечает, что говорящий может «представить данную семантику в качестве актуального смысла, считать несущественной квалификацию какого-либо события как состояния, отношения или свойства, выразить неоднозначность или неопределенность ситуации, «замаскировать» одно «положение дел» под другое. Для достижения этих намерений в распоряжении говорящего имеется набор языковых «шаблонов», помогающих осуществить интерпретацию ситуации на разных уровнях» (2000, 138–139). С тем, что выбор знака для обозначения ситуации – прерогатива говорящего, результат его интерпретационной деятельности, согласен и Н.Б. Самсонов, считая, что «выбор аспекта представления ситуации осуществляется говорящим в зависимости от степени своей осведомленности и от коммуникативно-прагматического намерения (цели) высказывания» (Самсонов 2002, 318). С.Н. Цейтлин полагает, что говорящий, выбирая одну конструкцию из ряда возможных, руководствуется, «во-первых, знанием (обычно – интуитивным) тонких, подчас едва уловимых семантических различий между ними; во-вторых, представлением о том, какая из синонимических конструкций наиболее расположена к данной грамматической и структурно-семантической модификации. Выбор осуществляется в соответствии с коммуникативно-стилистическим заданием» (Цейтлин 1976, 181). На зависимость выбора конструкции от стиля изложения указывает и Г.А. Золотова, отмечая, что неизосемические предложения предпочтительны в книжной, научно-деловой ре-

чи, а изосемические модели представляют стилистически нейтральную, литературно-разговорную речь (Золотова 1982, 128).

Таким образом, при порождении текста выбор говорящим определенной конструкции из ряда возможных обуславливается целым комплексом причин. Проиллюстрируем это примером.

С материка ощутимо дохнуло ветром. [...] А когда принялись заводить двигатель, волна его уже захлестывала. [...] Ночью волны сорвали лодку вместе с якорем. Сильная волна выбила стекло, под которым друзья прижимались друг к другу. Другая волна – боковая – чуть не перевернула лодку, обрушила внутрь водопад. [...] Такой ветер гонит волну до четырех метров (Известия. 04.12.88).

В данном фрагменте текста стихийный субъект-каузатор, выраженный Тв.п. (*ветром*), заменяется формой Им.п. (*волны, волна, ветер*). Первая конструкция с творительным падежом является изосемичной. Замена Тв.п. на Им. представляется не случайной. Автор данного текста подобной трансформацией придает субъекту-каузатору свойства субъекта-агенса, активно и сознательно действующего. Понятно, что стихия такими характеристиками не обладает, но выбор подобной формы позволяет показать всю силу стихии, неподвластной человеку. Это подчеркивается и порядком слов в предложениях, отражающих тема-рема-тическое членение. Если в первом предложении каузатор занимает рема-тичную позицию, то затем он становится темой высказываний, а позицию ремы занимают предикаты, которые актуализируют действия стихии (*захлестывала, выбила, перевернула, обрушила, гонит*). Выбор предикатов также значим, подобные предикаты обычно называют действия одушевленных, активно и сознательно действующих.

Следовательно, существование системы средств для выражения определенной семантики нельзя считать избыточным в языке; вариативность способов выражения является важным фактором смысловой организации высказывания. Смысловая парадигма как реестр существует в потенции, в системе, в голове, а ее реализация определяется конкретными коммуникативными задачами. Другими словами, в языковой системе синонимичность конструкций есть, а при функционировании конкретного предложения в тексте она настолько сужается, что у говорящего почти не остается выбора для выражения определенной смысловой нагрузки. Выбор определенной конструкции из смысловой парадигмы является показателем интерпретативной деятельности говорящего.

Адрес электронной почты автора: steksova@inbox.ru

Литература

- Арутюнова, Н.Д. & Е.Н. Ширяев. 1983. *Русское предложение: Бытийный тип*. М.
- Белошапкина, В.А. & Т.В. Шмелева. 1981. *Деривационная парадигма предложения* (Вестн. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. № 2). М.
- Богданова, Л.М. 1999. *Зависимость формы актантов от семантических свойств русских глаголов*. Автореф. дисс. ... докт. филол.наук. М.
- Всеволодова, М.В. 1989. *Коммуникативные механизмы языка* (Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка). М.
- Всеволодова, М.В. 2000. *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса*. М.
- Всеволодова М.В. 2008. *Инвариант содержания и парадигматика предложения* (Исследования по семантике). Уфа.
- Дементьева, О.А. 1989. *Коммуникативные разновидности предложений со значением «локум и действие связанного с ним субъекта»* (Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка). М.
- Золотова, Г.А. 1982. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. М.
- Золотова, Г.А. 2002. *Некоторые вопросы синтаксической синонимии*. М.
- Лурия, А.Р. 1975. *Основные проблемы нейролингвистики*. М.
- Русская грамматика* 1980. Т.2. М.
- Русский язык. Энциклопедия* 1997. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.
- Колшанский, Г.В. 1975. *Соотношение субъективных и объективных факторов в языке*. М.
- Кузнецова, Э.В. & О.А. Михайлова. 1987. *Предикатные компоненты семантики глагола* (Семантика слова и синтаксической конструкции). Воронеж.
- Матханова, И.П. 2000. *Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке*. Новосибирск.
- Мустайоки, А. & М. Коптев. 2005. *Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции*. Russian Linguistics. № 29.
- Мустайоки, А. 2006. *Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам*. М.
- Пешковский, А.М. 1927. *Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы («Ars poetica»)*. М.
- Самсонов, Н.Б. 2002. *Два подхода к понятию пропозиции* (Русский литературный язык: Номинация. Предикация. Экспрессия). М.
- Собинникова, В.И. 1989. *Синонимика глагольных безличных предложений и предложений с безлично-предикативными словами* (Лексическая и синтаксическая синонимия). Смоленск.
- Стексова, Т.И. 1986. *Формально-семантическая соотносительность диалектных безличных предложений с другими типами простых предложений*. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Томск.
- Стексова, Т.И. 1990. *Диктумные парадигмы соотносительных коммуникативных единиц и факторы, обуславливающие выбор говорящим синтаксической конструкции* (Семантический и формальный анализ синтаксических конструкций русского языка). Иркутск.
- Стексова, Т.И. 2002. *Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции*. Новосибирск.
- Цейтлин, С.Н. 1976. *Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика* (Синтаксис и стилистика). М.
- Ширяев, Е.Н. 1986. *Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке*. М.
- Шмелева, Т.В. 1987. *Системность сквозь призму парадигматики* (Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании). Красноярск.